

Внешнеполитические предпочтения Казахстана после 2022 г.

М.Ю. Кучеров¹, И.В. Вохминцев², И.Д. Кравчук³, В.Ю. Андрюхин⁴,
М.А. Федотов⁵, А.А. Токарев⁶

^{1,6} МГИМО МИД России

² Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

^{4,5} МГУ имени М.В. Ломоносова

Прошедший в марте 2019 г. транзит власти от Н. Назарбаева к К.-Ж. Токаеву воспринимался как продолжение политики первого президента Казахстана. Однако политический кризис в январе 2022 г. обнулил такие оценки, что вызвало интерес к внешнеполитической ориентации Казахстана в период президентства К.-Ж. Токаева. На какие страны ориентируется Астана под руководством нынешнего президента – исследовательский вопрос текущей работы. Авторы использовали методы контент- и сравнительного анализа. Хронологические рамки исследования ограничены периодом 20 марта 2019 г. – 31 декабря 2022 г., с момента наделения К.-Ж. Токаева полномочиями президента и датой окончания сбора данных. Источниками исследования стали публичные речи президента и доктринальные документы Казахстана. База данных цитат К.-Ж. Токаева сформирована по следующим источникам: официальный сайт президента Казахстана, его персональные страницы в социальных сетях и СМИ. Анализ базы данных включал подсчёт общего числа упоминаний названий стран и имён их глав, а также международных организаций на трёх языках (русский, казахский и английский) К.-Ж. Токаевым за выбранный период. Частота упоминаний тех же слов оценивалась на базе следующих доктринальных документов Казахстана: Военная доктрина 2017 г., Концепции внешней политики на 2014–2020 гг. и 2020–2030 гг. Ключевые результаты исследования: а) в официальных речах за выбранный период Токаев чаще всего упоминает Россию и Китай (223 и 95 упоминаний соответственно); б) среди международных организаций наибольшее количество упоминаний приходится на ООН и ЕАЭС (178 и 102 упоминания соответственно); в) по вопросам внешней политики Токаев преимущественно высказывается на русском языке; г) публичный дискурс главы Казахстана и положения доктринальных документов в целом совпадают. Однако имеются отклонения: согласно Концепции внешней политики, Казахстан рассчитывает на дальнейшее расширение стратегического партнёрства с США, но количество упоминаний Токаевым страны говорит

УДК 327.8(574)

Поступила в редакцию: 04.11.2022

Принята к публикации: 20.03.2023

об обратном — лишь 33 упоминания с марта 2019 г. Несмотря на значимые изменения во внутри- и внешнеполитической среде Казахстана, а также ориентацию К.-Ж. Токаева на многовекторную модель внешней политики, Россия сохраняет ведущую роль в его внешнеполитическом дискурсе.

Ключевые слова: внешнеполитическая ориентация, постсоветское пространство, Казахстан, Токаев, Россия, ОДКБ, ЕАЭС, контент-анализ, сравнительный анализ, протесты

19 марта 2019 г. Н. Назарбаев объявил об уходе с поста главы Казахстана, и новым президентом стал К.-Ж. Токаев. Первый президент Республики сохранил за собой статус лидера нации — «Елбасы» — и пост главы Совета Безопасности. Транзит власти воспринимался экспертами и учёными как формальность: Назарбаев сохранил значительные полномочия, а Токаев оказался «под прищотом Елбасы» (Ионова 2020; Кармазин 2020). Однако январские протесты 2022 г. из-за повышения цен на газомоторное топливо перевернули политическую «шахматную доску»: Назарбаев потерял пост главы Совета Безопасности, а правительство отправилось в отставку. Резкое изменение политического ландшафта Казахстана обнулило прежние политические оценки, внимание учёных и экспертов направилось на оценку внешнеполитической ориентации Астаны и самого Токаева.

Данное исследование отвечает на вопрос, на какие государства и международные организации ориентирована внешняя политика Казахстана под руководством Токаева. Изучение внешнеполитической ориентации Казахстана остаётся актуальным. В научной литературе внешнюю политику Казахстана принято характеризовать как многовекторную, направленную на равное развитие отношений с Россией, Китаем, США и ЕС. Исходя из характеристики политического режима Казахстана как делегативной демократии (Сейдуманов 2022), мы предположили, что публичные выступления президента должны вполне описывать внешнеполитическую позицию государства, поэтому предметом исследования стали речи президента и доктринальные документы Казахстана. Мы использовали метод контент-анализа, позволяющий оценить частоту упоминания стран и их лидеров, а также международных объединений в выступлениях Токаева за период с марта 2019 г. по декабрь 2022 г.

В ходе исследования нами проверены следующие гипотезы:

1. В рамках проведения многовекторной внешней политики президент Казахстана в публичном дискурсе в равной мере упоминает государства и международные организации.
2. В начале президентского срока Токаев апеллировал к Назарбаеву для усиления собственных позиций.
3. Публичный дискурс Токаева на русском, казахском и английском языках не идентичен.

Мы выбрали вышеперечисленные гипотезы по ряду причин. Как покажет обзор литературы ниже, распространённой характеристикой внешней политики Казахстана является многовекторность. Мы проверим данную гипотезу посредством контент-анализа. Предположение о взаимосвязях между содержанием дискурса и языка его трансляции возникло во время сбора данных. Мы заметили, что президент К.-Ж. Токаев в своих выступлениях использует русский, казахский и английский языки. Мы также рассмотрели частоту упоминаний Н. Назарбаева в выступлениях президента Токаева.

Обзор литературы

Внешней политике современного Казахстана посвящено множество исследований. Литературу о внешнеполитической ориентации страны можно разделить на несколько блоков. Первая группа работ посвящена многовекторной политике Астаны: внимание уделено основным государствам-партнёрам Казахстана и наднациональным объединениям. Второй корпус исследований сосредоточен на изучении двусторонних контактов страны с конкретными государствами. В третьем блоке научных трудов сравнивается внешнеполитический курс К.-Ж. Токаева и его предшественника Н. Назарбаева.

Учёные традиционно называют внешнеполитический курс Казахстана «многовекторным» (Дроздов и др. 2022; Жасекенова 2014; Александров 2021). Р. Вандерхилл, С. Жуарман и Р. Тулепбаева объясняют это тем, что Казахстан «зажат» между могущественными соседями — Китаем и Россией (Vanderhill et al. 2020). На «многовекторность» Астаны влияет и отсутствие выхода к морю (Idan, Shaffer 2011). По мнению А. Идана и Б. Шаффера, Казахстан балансирует между Россией, США, Китаем, Ираном, Турцией, СНГ, ОДКБ и НАТО. Но в последние годы усиливается зависимость страны от Китая (Drozдов et al. 2022). С. Кушкумбаев и З. Ауелбаев подчёркивают особую роль Центральноазиатского региона во внешней политике президента Казахстана (Kushkumbaev, Auelbaev 2021).

Специалисты-международники изучают связи Казахстана с отдельными странами или группами стран. В частности, статья П. Рангсимапорна посвящена отношениям Казахстана с АСЕАН и тем сферам, где страны и блок сотрудничают сейчас и могут взаимодействовать в будущем (Rangsimaporn 2020). Ж. Кембаев анализирует стадии развития казахстано-китайских отношений и выделяет факторы сближения двух государств (Kembayev 2020). Сотрудничество Москвы и Астаны в экономике, безопасности, энергетике исследовали М. Лаумулин и М. Шакен, прогнозируя развитие двустороннего сотрудничества с учётом геополитических трендов (Laumulin, Shaken 2008).

Исследователи обращают внимание на сходства и различия внешней политики Назарбаева и Токаева. Р. Айзекс и М. Глеуберди считают, что Токаев продолжает курс многовекторности первого президента Казахстана, балансируя между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Инициативой пояса

и пути (ИПП) (Isaacs 2020; Tleuberdi 2021). Р. Айзекс представляет президента Токаева как мало харизматичного и зависимого политика, который не будет радикально менять внешнеполитические приоритеты страны.

Однако Ю. Кулинцев считает, что казахстанский лидер стремится выйти из роли пассивного игрока и активно менять внешнюю политику страны (Kulintsev et al. 2022). Токаев — самостоятельный лидер, использующий преимущества многовекторной внешней политики для реализации целей развития, заложенных в концепте «Нового Казахстана» (Кидирали 2022). Б. Султанов считает, что внешняя политика Токаева отличается чётким определением характера отношений с Россией как «союзнических». По его мнению, союз Казахстана с Россией размывает принцип многовекторности. Исследователь также подчёркивает активную вовлечённость президента в процесс укрепления ЕАЭС (Sultanov 2020). Ю. Пойта полагает, что Токаев следует логике Назарбаева: экономический и политический суверенитет выше укрепления ЕАЭС (Пойта 2020). З. Шаукенова согласна с Ю. Пойтой и называет президента Токаева прагматичным лидером, для которого интересы Казахстана на мировой арене превыше всего (Shaukenova 2021).

Использование количественного контент-анализа в сфере международных отношений восходит к 1948 г., когда Г. Лассуэлл применил его для исследования пропагандистских материалов времён Второй мировой войны (Лассуэлл 1948). Развитие компьютерных технологий позволило обрабатывать большие объёмы текста с меньшими трудозатратами, что сделало метод статистического анализа текста более распространённым¹. Он позволяет определять авторство (Мостлер, Валлас 1963) и жанр текста (Моретти 2011). Внешнеполитические документы стран стали объектом исследований, проводимых с помощью количественного контент-анализа (Шубенкова 2014). Преимуществом метода является то, что влияние личных политических предпочтений исследователя сведено к минимуму: есть жёсткие критерии и шкалы, за которые он не может выйти. Метод легко масштабируется и позволяет проводить сравнительный анализ стратегических документов сразу нескольких стран (Дегтерев, Василюк, Баум 2018). У него есть ещё одно преимущество: сравнение нескольких акторов происходит согласно единым для всех критериям, что исключает субъективизм исследователя. Это позволяет чётко выявлять различия между объектами по единому шаблону. Но, как справедливо замечают сами авторы, методика показывает только наличие упоминаний той или иной страны в документах, но не позволяет выявить характеристику этого упоминания — положительную, либо отрицательную (Дегтерев 2018). То есть исследователи составили таблицы частотности без упоминания контекста. Это ограничение преодолимо через вычисление данных

¹ Террас М. и др. 2017. *Цифровые гуманитарные науки Хрестоматия/Digital humanities: in search of definitions*.

характеристик в массиве текстов: например, через коэффициент Яниса (Боришполец 2020). Такой подход позволяет количественно оценить объём положительного и отрицательного контекста по отношению к выбранному субъекту анализа. Для более нюансированного контекста в политологии применяется методика составления конкорданса выбранного слова (Зюбина, Матвеева 2017). В этом случае исследователь получает все версии, в которых употреблено выбранное им слово или выражение. Учёный видит сразу весь контекст употребления, а значит, переходит на более глубокий уровень исследования массива текста, что было бы невозможно сделать качественными методами. Этот подход пришёл из лингвистики, но зарекомендовал себя и в политических исследованиях для анализа больших массивов текста, например, выступлений политиков. Безусловно, корпус текстов выступлений политика даёт больший простор в сравнении с анализом документов (Аватков, Сбитнева 2022). При таком методологическом подходе исследователь не ограничен несколькими выбранными выступлениями, как это бывает с качественным подходом — автор работает с контекстом всего массива сказанного политиком, а не с выбранными по собственному предпочтению или по другим критериям речами (Озаж 2023). Это означает, что выводы более обоснованы, так как влияние ярких, но единичных тезисов в отдельных выступлениях минимально по отношению к остальному объёму информации. Так повышается ценность полученных знаний — подход позволяет увидеть, что в речах политика буднично, а что выбивается из общей канвы, а значит, достойно внимания в будущих исследованиях. Контент-анализ зарекомендовал себя в гуманитарных науках в качестве простого, масштабируемого и гибкого метода.

Метод контент-анализа ранее применялся при рассмотрении речей президентов Казахстана. Например, К. Смагулов провёл количественный контент-анализ выборочных слов во всех посланиях президента Казахстана с 1998 г. по 2011 г. (Smagulov 2012). Также проанализированы тенденции изменений в сплочённости государства Казахстан за период с 1994 г. по 2013 г. (Hyunjoong 2017). Рассмотрены концепты в публичных выступлениях американских и казахстанских политиков (Kurmanova et al. 2021). Однако опора на фрагментарные данные может привести к неверным выводам в понимании нынешнего Казахстана. Прогнозирование внешнеполитических шагов Казахстана возможно, если использовать систематизированные данные из разных источников.

Методология и база данных

Для исследования внешнеполитических стратегий Казахстана авторы собрали базу данных из 2 109 823 символов за 45 месяцев президентства К.-Ж. Токаева. База данных начинается с марта 2019 г., начала президентства То-

каева, и оканчивается декабрём 2022 г., датой окончания сбора данных. Авторов интересовали только прямые цитаты президента Казахстана — косвенная речь К.-Ж. Токаева, переданная СМИ, не попала в фокус внимания исследователей.

Первый этап сбора данных — определение источников. Сначала с официального сайта президента Казахстана выгружались все послания и выступления лидера страны. Затем авторы проанализировали социальные сети президента Токаева — Facebook, Instagram², YouTube и Twitter. В пул источников включены крупнейшие СМИ страны — *vlast.kz* и «365.инфо».

Второй этап — составление списка поисковых объектов. Всего было выбрано 43 поисковых объекта: названия соседних стран и архитекторов полицентричного мира, их лидеры и столицы, а также наднациональные организации и их лидеры.

Третий этап — очистка базы данных от повторений: копировались первые предложения цитаты и с помощью сквозного поиска выявлялись повторения в общем полотне цитат.

Полученные данные анализировались в программе Voyant tools. Упоминания стран или международных организаций авторы искали при помощи составления поискового объекта, который создавался на основе следующих принципов:

— поиск по основам. К примеру, авторы хотели найти все упоминания России. Поиск только по объекту «Россия» недостаточен, так как машина упускает такие формы слова, как «России», «российскому», «российский». Поэтому использовалась основа поискового объекта — «росс». Далее все вариации упоминаний складывались под общим названием «Россия». Такую процедуру авторы провели со всеми поисковыми объектами.

— расшифровка аббревиатуры. Например, исследователи хотели узнать частоту упоминания ОДКБ в январе 2022 г. Помимо поиска по самому названию, авторы вводили основы по отдельности: «организац», «договор», «коллектив», «безопас». Такой принцип поиска позволял найти косвенные и прямые упоминания организации.

Авторы не утверждают, что собрали все цитаты президента Токаева — стенограммы переговоров или закрытых встреч недоступны, но нашли подавляющее большинство всех публичных выступлений главы Казахстана.

При составлении базы данных были выбраны следующие поисковые объекты:

— первый президент Казахстана Н. Назарбаев: «Елбасы», «Назарбаев», «Нурсултан»;

² Соцсети Facebook и Instagram признаны экстремистскими и запрещены в России.

— ключевые игроки мировой политики, великие державы и государственные объединения, а также их главы государств и столицы: «Россия», «РФ», «Китай», «КНР», «ЕС», «США», «Америка», «СССР», «Советский Союз», «Москва», «Кремль», «Пекин», «Брюссель», «Вашингтон», «Путин», «Владимир Владимирович», «Си Цзиньпин», «Мишель», «Трамп», «Байден»;

— соседи Казахстана, стратегические партнёры и главы государств: «Узбекистан», «Мирзиёев», «Таджикистан», «Рахмон», «Киргизия», «Кыргызстан», «Жээнбеков», «Жапаров», «Туркменистан», «Бердымухамедов», «Турция», «Эрдоган»;

— международные организации: «НАТО», «СНГ», «ОДКБ», «ШОС», «ООН», «ЕАЭС».

Частота упоминания стран в публичных выступлениях К.-Ж. Токаева

Президент Казахстана в публичных выступлениях упоминает Россию чаще других стран — 223 раза (рис. 1). Следующие по частоте упоминаний страны: Китай — 95, Узбекистан — 41, США — 33, Киргизия — 30, Турция — 27, Туркменистан — 26 и Таджикистан — 17 (рис. 1). Топ стран не меняется, если добавить упоминания глав государств: Россия — 282, Китай — 99, Узбекистан — 47, Киргизия — 37, США — 35, Туркменистан — 32, Турция — 32 и Таджикистан — 17. К.-Ж. Токаев упоминает президента России В. Путина 59 раз, что почти в два раза больше, чем общее число упоминаний глав остальных государств.

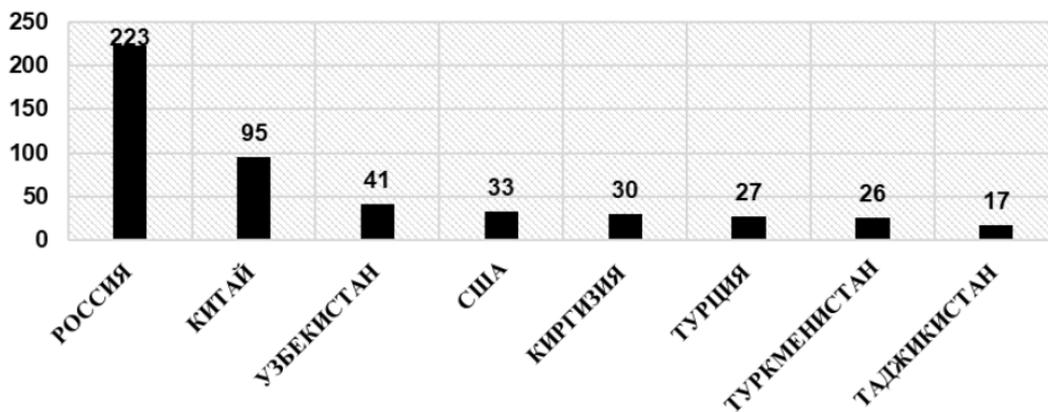

Рисунок 1. Частота упоминания стран
Figure 1. Frequency of mentioning countries

Россия и Китай доминируют в публичном дискурсе казахстанского лидера. Резкий рост упоминаний двух стран приходился на июнь 2019 г., когда проходили выборы президента Казахстана — 38 и 16 упоминаний соответственно (рис. 2). Тогда Токаев напоминал о неразрывных связях с Россией, корни которых уходят в историю.

Рисунок 2. Динамика упоминания распространённых в речах Токаева стран
Figure 2. Dynamics of mentioning countries common in Tokayev's speeches

С июля 2019 г. России в дискурсивном поле становится всё меньше: октябрь 2019 г. — 13 раз, август 2020 г. — 10, сентябрь 2021 г. — пять (рис. 2). До и во время выборов число упоминаний России возросло в несколько раз, а после упало. Эта тенденция распространяется и на Китай. Стремительный рост упоминаний России объясняется проходившими мероприятиями: в октябре 2019 г. Токаев участвовал в заседании клуба «Валдай» и назвал Россию стратегическим партнёром, в августе 2020 г. казахстанский лидер поблагодарил Россию за оказание гуманитарной помощи во время борьбы с COVID-19. Говоря об отношениях с Москвой в прошлом и настоящем, Токаев в основном высказывается на русском.

В 2022 г. больше всего упоминаний России приходится на февраль и ноябрь — 30 и 31 раз соответственно. В начале года Токаев утверждал, что Казахстан настроен на поддержание деловых, активных и тесных рабочих контактов с Россией, и отдельно подчёркивал сотрудничество с Татарстаном. Пик упоминаний приходится на ноябрьскую встречу Токаева с Путиным в Москве, на которой была подписана Декларация по случаю 30-летия установления дипломатических отношений. Поездка в Россию — это первый зарубежный визит Токаева после его переизбрания на пост главы республики. На протяжении 2022 г. президент Казахстана подчёркивал, что страна будет продолжать активное сотрудничество с Россией. По мнению Токаева, Россия «хорошо действует в экстремальных ситуациях» и выступает надёжным торгово-экономическим партнёром.

Частота упоминания международных организаций в публичных выступлениях К.-Ж. Токаева

Среди международных организаций, которые упоминал К.-Ж. Токаев в период с марта 2019 г. по декабрь 2022 г., наибольшее количество упоминаний приходится на ООН и ЕАЭС (рис. 3). Только в пяти из 45 месяцев нет хотя бы одного упоминания этих международных организаций. В 38 месяцах из 45 исследованных ООН и ЕАЭС упоминаются больше, чем остальные международные организации. Наибольшее количество упоминаний ООН приходится на сентябрь 2019 г. — 17, август и сентябрь 2020 г. — 17 и 20 соответственно, сентябрь 2021 г. — 20 и сентябрь 2022 — 15. Резкое увеличение упоминаний ООН президентом Казахстана каждый сентябрь связано с участием Токаева в сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. ЕАЭС больше всего упоминался в октябре 2019 г. — семь, мае 2020 г. — 13, а также в январе и декабре 2022 г., по 17 раз в каждом из месяцев.

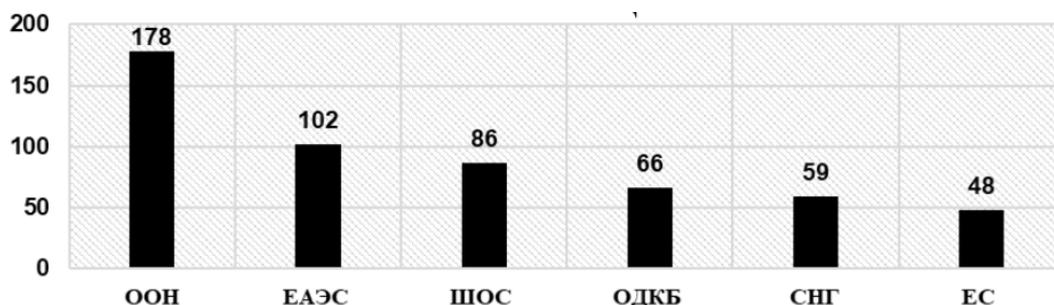

Рисунок 3. Частота упоминания международных организаций
Figure 3. Frequency of mentioning international organizations

Отправка миротворцев ОДКБ в январе 2022 г. во время беспорядков в Казахстане — причина резкого роста упоминаний организации (рис. 4). До «январских событий» Токаев говорил об организации только в октябре и ноябре 2019 г., сентябре 2021 г., во время учений «Нерушимое братство – 2019» и «Рубеж – 2021» — пять и шесть раз соответственно.

В публичном дискурсе казахстанского лидера отсутствует упоминание другого военно-политического блока — НАТО. Хотя с 1994 г. Казахстан участвует в программе Альянса «Партнёрство во имя мира», а вывод войск НАТО из Афганистана в 2021 г. стал важнейшим поворотным моментом для безопасности стран Центральной Азии.

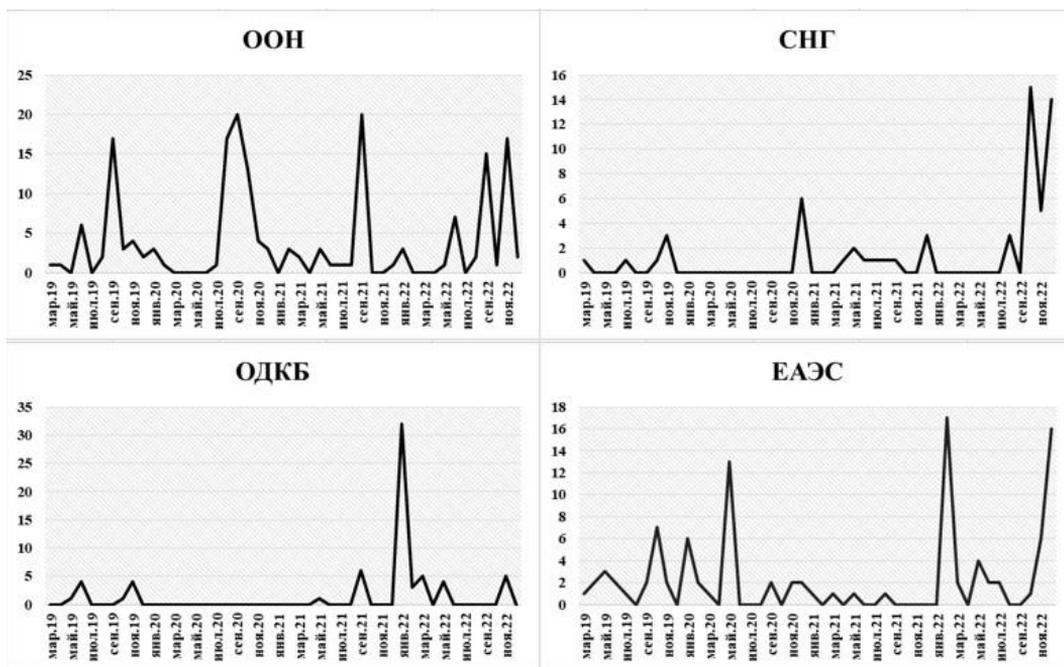
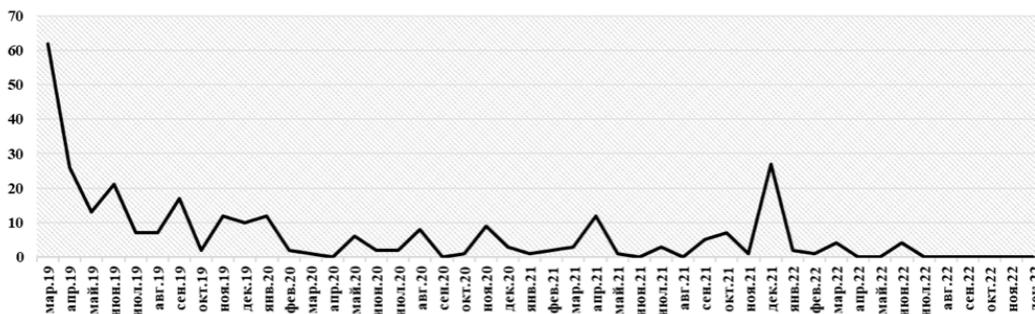

Рисунок. 4. Динамика упоминания международных организаций
 Figure. 4. Dynamics of the mention of international organizations

Частота упоминания Н. Назарбаева в публичных выступлениях К.-Ж. Токаева

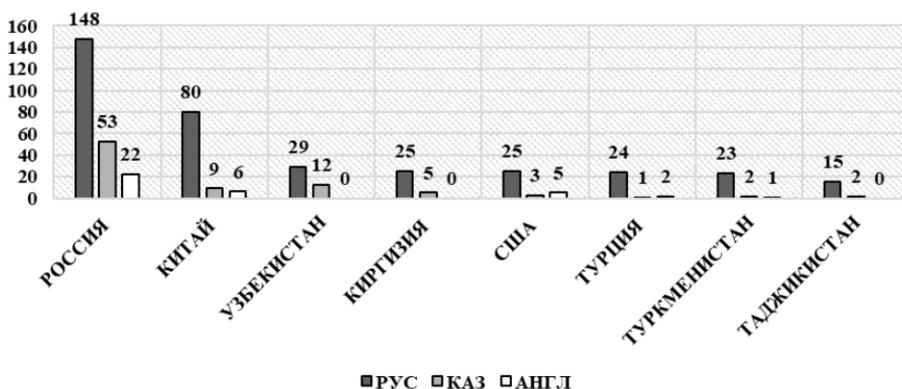
Пик упоминаний фиксируется в марте и апреле 2019 г. 62 и 26 раз, соответственно (рис. 5). Затем начался резкий спад частоты упоминаний первого президента, хотя и наблюдались пики в сентябре 2019 г. и декабре 2021 г. — 12 и 26 упоминаний соответственно. После январских протестов Токаев говорил о предшественнике ещё реже: максимум четыре раза за месяц. После августа 2022 г. он ни разу не упомянул Н. Назарбаева. При оценке общего числа упоминаний авторы суммировали результаты по всем отобранным словам и их транскрипциям. При этом К.-Ж. Токаев в своих выступлениях чаще всего апеллировал не к имени Н. Назарбаева, а к его формальному титулу «Елбасы». По результатам контент-анализа мы подтверждаем изначальную гипотезу: Токаев снижал частоту упоминания своего предшественника в выступлениях.

Рисунок 5. Частота встречаемости «Елбасы» во времени
Figure 5. Frequency of «Elbasy» over time

Частота использования русского, английского и казахского языков в публичных выступлениях К.-Ж. Токаева

К.-Ж. Токаев в публичных обращениях использует русский, казахский и английский языки. Механизм сбора базы данных позволяет проанализировать публичный дискурс на всех трёх языках. Результаты сравнительного анализа показаны ниже (рис. 6 и 7). Из них следует, что гипотеза частично подтвердилась: публичные дискурсы президента по странам различаются, хотя и незначительно (см. рис. 6). Среди упоминаний организаций на казахском языке первое место по количеству употреблений занимает СНГ, ЕАЭС — на втором месте, ООН — на третьем месте, ОДКБ — на четвёртом и ШОС — на пятом. Но суммарное упоминание СНГ существенно уступает остальным (см. рис. 7). Диаметрально противоположная картина с упоминаниями на русском языке: первое место с большим отрывом занимает ООН, в то время как СНГ занимает последнюю позицию. Президент Казахстана Токаев по вопросам внешней политики преимущественно высказывается на русском языке (рис. 6 и 7).

Рисунок 6. Частота встречаемости стран на разных языках
Figure 6. Top countries in different languages

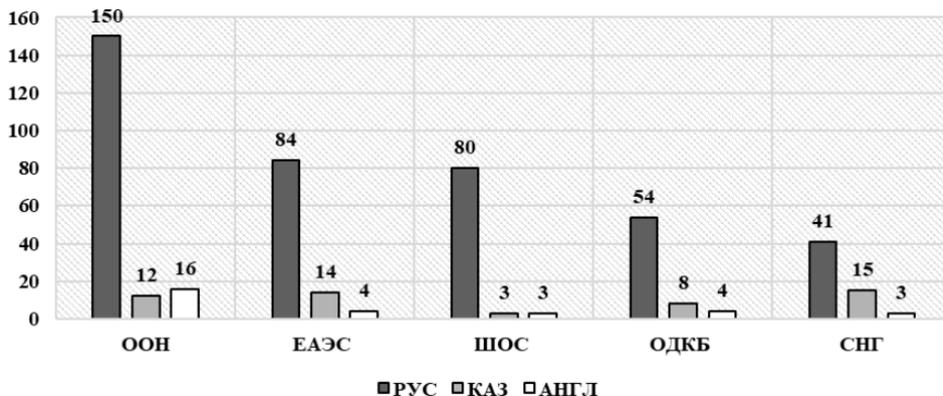

Рисунок 7. Частота встречаемости международных организаций на разных языках
 Figure 7. International organizations in different languages

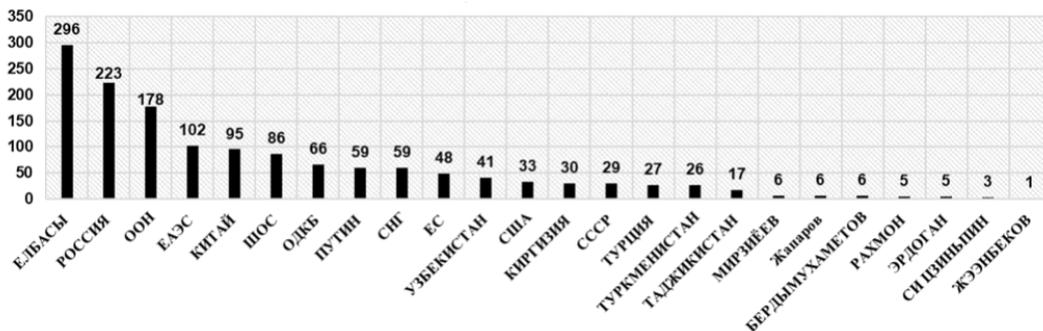

Рисунок 8. Общий рейтинг упоминаний
 Figure 8. Overall rating of mentions

Сравнение доктринального и публичного дискурсов Казахстана

Чтобы выявить доктринальный дискурс, мы проанализировали Военную доктрину 2017 г.³ и Концепции внешней политики на 2014–2020 гг.⁴ и 2020–2030 гг.⁵ (табл. 1). Ранжирование стран и международных организаций осуществлялось с помощью двух переменных: суммы и первенства упоминаний в доку-

³ Военная доктрина Республики Казахстан. *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. 29.09.2017. URL: https://www.akorda.kz/ru/security_council/national_security/voennuyu-doktrinu-respubliki-kazakhstan (дата обращения: 15.08.2023).

⁴ Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 гг. *Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан*. 21.01.2014. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U140000741> (дата обращения: 15.08.2023).

⁵ Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 гг. *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. 09.03.2020 URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazakhstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 15.08.2023).

ментах. В доктринальном дискурсе Россия доминирует по обоим переменным. Второе и третье место в иерархии внешнеполитических приоритетов занимают Китай и США. Вместо упоминания конкретных государств Центральной Азии в доктринальных документах семь раз фигурирует название региона.

Среди международных организаций ООН сохраняет лидирующие позиции по сумме и первенству упоминаний в большинстве доктринальных документов. Исключение составляет Концепция внешней политики на 2020–2030 гг., где ведущее место по числу упоминаний занимает ЕС, хотя в речах Токаева европейское объединение упоминается редко.

Таблица 1. Сравнение публичного и доктринального дискурса Казахстана
Table 1. Comparison of public and doctrinal discourse of Kazakhstan

	Количество упоминаний				Первенство упоминаний			
	В данном исследовании	КВП (2014 – 2020)	КВП (2020 – 2030)	ВД (2017)	В данном исследовании	КВП (2014 – 2020)	КВП (2020 – 2030)	ВД (2017)
Россия	223	1	2	1	1	1	1	1
Китай	95	1	1	0	2	2	2	0
Узбекистан	41	1	0	0	3	6	0	0
США	33	1	1	0	4	7	3	0
Киргизия	30	1	0	0	5	3	0	0
Таджикистан	17	1	0	0	7	4	0	0
Туркменистан	26	1	0	0	6	5	0	0
ООН	178	10	3	5	1	1	2	1
ШОС	86	1	0	2	3	5	0	2
ЕАЭС	102	1	1	0	2	2	3	0
ОДКБ	66	1	0	2	4	4	0	3
СНГ	59	1	0	0	5	3	0	0
ЕС	48	2	4	0	6	6	1	

Заключение

Главный вывод исследования: доктринальный и публичный дискурсы в основном совпадают. Токаев 223 раза упоминает Россию, что больше суммарного упоминания Китая, США и Узбекистана. В доктринальных документах Россия — союзник, который упоминается раньше и чаще всех. Хотя мы и не имеем доступа к закрытым для публики многосторонним встречам в официальных форматах и «без галстуков», проведённый анализ публичного дискурса показывает, что Казахстан проводит многовекторную внешнюю политику с уклоном в сторону России. Начало СВО на Украине не отменило лидерства России в публичном дискурсе Токаева.

Второе место в иерархии внешней политики занимает Китай. Казахстан нацелен на «всестороннее стратегическое партнёрство с Китайской Народной Республикой». Токаев упоминает Китай 95 раз — это самая упоминаемая страна после России.

В Концепции внешней политики Казахстана подчёркивается, что Астана рассчитывает на «дальнейшее расширение стратегического партнёрства с Соединёнными Штатами Америки», но в публичном дискурсе Токаева США занимают четвёртое место, 33 упоминания. Место Америки занял Узбекистан — 41 упоминание. Хотя в доктрине упоминаются лишь «государства Центральной Азии», с которыми Казахстан развивает «стратегические взаимоотношения», Узбекистан — ключевая страна этого региона, о чём неоднократно заявлял президент Токаев.

Сам Токаев — самостоятельная фигура, которая не апеллирует к Назарбаеву для легитимации собственной политики. Число упоминаний Назарбаева снижалось с 2019 г. — авторы оспаривают тезис о «внезапности» ухода Назарбаева в январе 2022 г. Однако, несмотря на вышеперечисленные факты, в актуальной редакции Концепции внешней политики провозглашена преемственность внешнеполитического курса Токаева.

Среди международных организаций Токаев выделяет ООН и ЕАЭС. Первую организацию Токаев упоминает 178 раз, а в Концепции внешней политики ООН фигурирует уже на первых страницах. Для Казахстана важны институты многосторонней дипломатии, Токаев — сторонник усиления роли ООН в мире, о чём говорит его постоянное участие в сессиях Генеральной Ассамблеи. Не стоит забывать и о работе казахстанского президента на посту заместителя генерального секретаря ООН в Женеве с 2011 по 2013 г.

ЕАЭС — вторая по количеству упоминаний организация. Токаев упомянул её 102 раза. Союзу посвящён отдельный параграф 4.3 — это говорит об особой роли организации для Казахстана. Помимо прагматических целей развития экономики, активное участие Астаны в ЕАЭС носит имиджевый характер, так как идею о создании организации выдвинул Назарбаев. Упоминание ЕС — скорее дань многовекторности, нежели отражение реальных политических связей, о чём говорят результаты анализа публичного и доктринального дискурса. Третье место занимает ШОС с результатом в 86 упоминаний. Эта организация в концепции упоминается только в параграфе 4.8, то есть уже в конце главы. ОДКБ с результатом в 66 занимает четвёртое место в рейтинге, но в тексте концепции она упоминается в параграфе 4.7, то есть раньше ШОС.

Об авторах:

Михаил Юрьевич Кучеров — аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: kucherov.m.yu@yandex.ru

Игорь Вадимович Вохминцев — выпускник-бакалавр Исторического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва. 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34. E-mail: igor.nk.ru@gmail.com

Иван Дмитриевич Кравчук — стажёр-исследователь Центра политических исследований, магистрант Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ. 125993, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, 49. E-mail: kravchukid19@gmail.com

Владислав Юрьевич Андриухин — аспирант Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51. E-mail: vlad.andriukhin@gmail.com

Марк Александрович Федотов — магистрант Факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова. 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект 27, корп. 4. E-mail: fedotoff.mark@yandex.ru

Алексей Александрович Токарев — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Авторский коллектив статьи выражает благодарность Елизавете Дмитриевне Полюшко, Елизавете Викторовне Мищишине и Руслану Валерьевичу Млынскому за участие в данном исследовании.

UDC 327.8(574)

Received: November 04, 2022

Accepted: March 20, 2023

Foreign Policy Preferences of Kazakhstan after 2022

M.Y. Kucherov¹, I.V. Vokhmintsev², I.D. Kravchuk³, V.Y. Andriukhin⁴,M.A. Fedotov⁵, A.A. Tokarev⁶[DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-72-90](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-4-91-72-90)^{1,6} MGIMO-University² Samara National Research University³ Financial University under the Government of the Russian Federation^{4,5} Lomonosov Moscow State University

Abstract: The January 2022 protests in Kazakhstan drew global attention to the country's foreign policy orientations. This research investigates the focal states and international organizations prioritized by Kazakhstan during Kassym-Jomart Tokayev's presidency, spanning from March 20, 2019, when Tokayev assumed office, to December 31, 2022, marking the end

of data collection. Employing content analysis and discourse analysis as primary methods, this study examines data from diverse sources, including the official website of Kazakhstan's President, his social media profiles, and relevant media outlets. The analysis encompasses mentions of countries, their leaders, and international organizations across three languages: Russian, Kazakh, and English.

Key findings include Tokayev's frequent references to Russia (223 mentions) and China (95 mentions), while the United Nations (UN) and the Eurasian Economic Union (EAEU) receive the highest number of mentions among international organizations (178 and 102, respectively). Remarkably, Tokayev predominantly communicates in Russian when addressing foreign policy matters.

In general, public discourse aligns closely with Kazakhstan's doctrinal discourse. However, notable discrepancies arise. Despite the Foreign Policy Concept's indication of Kazakhstan's intent to strengthen its strategic partnership with the United States, Tokayev's limited mentions of the United States (33 in total) suggest a distinct trend.

Keywords: foreign policy orientation, post-Soviet space, Kazakhstan, Tokayev, Russia, CSTO, EAEU, content analysis, discourse analysis, protests

About the authors:

Mikhail Yu. Kucherov — Postgraduate student of the Department of Comparative Political Science of MGIMO-University, Vernadsky Pr., 76, Moscow, 119454.

E-mail: kucherov.m.yu@yandex.ru

Igor V. Vokhmintsev — Graduate-bachelor of the History Faculty of Samara National Research University, Moskovskoe shosse, 34, Samara, 443086. E-mail: igor.nk.ru@gmail.com

Ivan D. Kravchuk – Trainee researcher at the Center for Political Studies, a master's student at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Leningradsky Pr., 49, GSP-3, Moscow, 125993. E-mail: kravchukid19@gmail.com

Vladislav Yu. Andriukhin — Postgraduate student at the Faculty of World Politics of Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, building 51, Moscow, 119991.

E-mail: vlad.andriukhin@gmail.com

Mark A. Fedotov – Master's student at the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky Pr., 27, building 4, Moscow, 119192.

E-mail: fedotoff.mark@yandex.ru

Alexey A. Tokarev — Doctor of Political Sciences, a leading researcher at the MGIMO-University, Vernadsky Pr., 76, Moscow, 119454. E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru

Conflict of interest:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

Authors express gratitude to Elizaveta Dmitrievna Polyushko, Elizaveta Viktorovna Mishchishina and Ruslan Valerievich Mlinsky for their participation in this project.

References:

Idan A., Shaffer B. 2011. The Foreign Policies of Post-Soviet Landlocked States. *Post-Soviet Affairs*. 27(3). P. 241-268. DOI: 10.2747/1060-586X.27.3.241

Isaacs R. 2020. Russia–Kazakhstan Relations and the Tokayev–Nazarbayev Tandem. *Russian analytical digest*. №248. P. 2-5. DOI: 10.3929/ethz-b-000401980.

Kembayev Z. 2020. Development of China-Kazakhstan Cooperation. *Problems of Post-Communism*. 67(3). P. 204-216. DOI: 10.1080/10758216.2018.1545590.

Kulintsev Y.V., Mukambaev A.A., Rakhimov K.K., Zuenko I.Y. 2020. Sinophobia in the Post-Soviet Space. *Russia in Global Affairs*. 18(3). P. 128-151. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-3-128-151

Kurmanova A., Sarsikeyeva G., Utegulova G. 2021. Political Linguistics: Public Speech of American and Kazakh Politicians. *International Journal of Society. Culture & Language*. 9(2). P. 212-221.

Rangsimaporn P. 2020. Kazakhstan and ASEAN: the Unexplored Vector in Kazakhstan's Foreign Policy. *Asian Affairs*. 51(1). P. 126-145. DOI: 10.1080/03068374.2019.1706342

Vanderhill R., Joireman S.F., Tulepbayeva R. 2020. Between the Bear and the Dragon: Multivectorism in Kazakhstan as a Model Strategy for Secondary Powers. *International Affairs*. 96(4). P. 975-993. DOI: 10.1093/ia/iiaa061

Avatkov V.A., Sbitneva A.I. 2022. Transformaciya antiterroristicheskoy politiki Turcii v period pravleniya Partii spravedlivosti i razvitiya [Transformation of Turkey's Anti-Terrorism Policy under the AKP]. *MGIMO Review of International Relations*. 15(3). P. 143–174. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-3-84-143-174. (In Russian).

Borishpolec K.P. 2010. *Metody politicheskikh issledovanij* [Methods of Political Research]. Moscow: Aspekt press. P. 7–31. (In Russian).

Degterev D.A., Vasilyuk I.P., Baum V.V. 2018. Parametry mnogovektornosti vneshnej politiki stran SNG: prikladnoy analiz [Parameters of Multi-Vector Foreign Policy of the CIS Countries: Applied Analysis]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. (62)1. C. 63-75. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-63-75. (In Russian).

Drozov I.A., Popov D.D., Rakhman Khashimi M.M., Fedorov A.A. and Sharagina A.D. 2022. Kazakhstan v novykh ekonomicheskikh realiyah: prognozy dlya respublikanskoj mul'tivektornoj politiki posle nachala rossijskoj special'noj voennoj operacii na Ukraine [Kazakhstan in the New Economic Reality: Prospects for the Republic's Multi-Vector Policy after the Start of Russia's Special Military Operation in Ukraine]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 11(125). P. 1-7. DOI: 10.23670/IRJ.2022.125.69. (In Russian).

Zhasekenova G.Zh. 2014. Osobennosti mnogovektornoj politiki Respubliki Kazahstan: problemy i perspektivy [Features of the Multi-Vector Policy of the Republic of Kazakhstan: Problems and Prospects.]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. №3-2. P. 370-373. (In Russian).

Zyubina I.A., Matveeva G.G. 2017. Predvybornyj politicheskij diskurs D. Trampa i H. Klinton (pragmalingvisticheskij aspekt) [The Pre-Election Political Discourse of D. Trump and H. Clinton (Pragmalinguistic Aspect)]. *25 let vneshnej politike Rossii: sb. materialov Konventa RAMI* (Moskva, 8-9 dekabrya 2016 g.): v 5 t. Vol. 5. P. 171. (In Russian).

Ionova E.P. 2020. Kazahstan v period tranzita vlasti [Kazakhstan during the Transit of Power]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 1(46). P. 82-97. DOI: 10.20542/2073-4786-2020-1-82-97 (In Russian).

Kushkumbaev S., Auelbaev B. 2021. Czentral'noaziatskij vektor vneshnej politiki Kazahstana [Central Asian Vector of Kazakhstan's Foreign Policy: Achievements, Challenges, Prospects]. *Kazakhstan Journal of Foreign Affairs*. 1(2). P. 81-94. (In Russian).

Pojta Y. 2020. Krizis evrazijskih mehdunarodnyh organizacij: prichiny i posledstviya vzaimosvyazannosti [The Crisis of Eurasian International Organizations: Causes and Consequences. Eurasian Network of Regional Initiatives and Organizations: Elements of Interconnectedness]. *Evrazijskaya set' regional'nyh iniciativ i organizacij: elementy* P. 19–24.

Laumulin M., Shaken M. 2008. Kazakhstanosko-rossijskie otnosheniya [Kazakhstan-Russia relations]. *Czentral'naya Aziya i Kavkaz*. №1. P. 130–144. (In Russian).

Sejdumanov A.S. 2022. Osobennosti kazakhstanskoj modeli demokraticeskogo tranzita: kontseptualno-metodologicheskij analiz [Features of Kazakhstan's Democratic Transit Model: Conceptual and Methodological Analysis]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. 9(4). P. 423–436. DOI: 10.24975/2313-8920-2022-9-4-423-436. (In Russian).

Smagulov K.E. 2012. Kontent-analiz poslanij Prezidenta Respubliki Kazakhstan [Content Analysis of the Republic of Kazakhstan President's Addresses]. *Socziologicheskie issledovaniya*. №6. P. 54–61. (In Russian).

Sultanov B. 2020. Kazakhstano-rossijskie otnosheniya vo vneshnej politike Prezidenta K.-Zh. Tokaeva [Kazakh-Russian Relations in the Foreign Policy of the President K.-Zh. Tokaev]. *Rossiya i novy'e gosudarstva Evrazii*. 2(47). P. 58–68. (In Russian).

Tleuberdi M. 2021. Vstupitel'noe slovo k izdaniyu [Introduction to the Publication]. *Kazakhstan Journal of Foreign Affairs*. 1(2). P. 5–9. (In Russian).

Shaukenova Z. 2021. Vstupitel'noe slovo k izdaniyu [Introduction to the Publication]. *Kazakhstan Journal of Foreign Affairs*. 1(2). P. 10–12. (In Russian).

Shubenkova A.Yu. 2014. *Programmno-strategicheskie dokumenty v gosudarstvennoj politike RF: institucional'nyj analiz: dis. kand. polit. nauk* [Program and Strategic Documents in the State Policy of the Russian Federation: Institutional Analysis: dis. cand. polit. sciences]. Moscow. 201 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Аватков В.А., Сбитнева А.И. 2022. Трансформация антитеррористической политики Турции в период правления Партии справедливости и развития. *Вестник МГИМО-Университета*. 15(3). С. 143–174. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-3-84-143-174.

Боришполец К.П. 2010. *Методы политических исследований*. Москва: Аспект пресс. С. 7–31.

Дегтерев Д.А., Василюк И.П., Баум В.В. 2018. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ. *Мировая экономика и международные отношения*. (62)1. С. 63–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-63-75

Дроздов И.А., Попов Д.Д., Рахман Хашими М.М., Федоров А.В. Шарагина А.Д. 2022. Казахстан в новых экономических реалиях: прогнозы для республиканской мультивекторной политики после начала российской специальной военной операции на Украине. *Международный научно-исследовательский журнал*. 11(125). С. 1–7. DOI: 10.23670/IRJ.2022.125.69.

Жасекенова Г.Ж. 2014. Особенности многовекторной политики Республики Казахстан: проблемы и перспективы. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. №3-2. С. 370–373.

Зюбина И.А., Матвеева Г.Г. 2017. Предвыборный политический дискурс Д. Трампа и Х. Клинтон (прагмалингвистический аспект). *25 лет внешней политике России*. Сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.): в 5 т. Т. 5. С. 171.

Ионова Е.П. 2020. Казахстан в период транзита власти. *Россия и новые государства Евразии*. 1(46). С. 82-97. DOI: 10.20542/2073-4786-2020-1-82-97.

Кушкумбаев С., Ауелбаев Б. 2021. Центральноазиатский вектор внешней политики Казахстана: достижения, вызовы, перспективы. *Kazakhstan Journal of Foreign Affairs*. 1(2). С. 81-94.

Пойта Ю. 2020. Кризис евразийских международных организаций: причины и последствия. *Евразийская сеть региональных инициатив и организаций: элементы взаимосвязанности*. С. 19-24

Лаумулин М., Шакен М. 2008. Казахстанско-российские отношения. *Центральная Азия и Кавказ*. №1. 130-144.

Сейдуманов А.С. 2022. Особенности казахстанской модели демократического транзита: концептуально-методологический анализ. *Проблемы постсоветского пространства*. 9(4). С. 423-436. DOI: 10.24975/2313-8920-2022-9-4-423-436.

Смагулов К.Е. 2012. Контент-анализ посланий Президента Республики Казахстан. *Социологические исследования*. №6. С. 54-61.

Султанов Б.К. 2020. Казахстано-российские отношения во внешней политике президента К.-Ж. Токаева. *Россия и новые государства Евразии*. 2(47). С. 58-68. DOI: 10.20542/2073-4786-2020-2-58-68.

Глеуберди М. 2021. Вступительное слово к изданию. *Kazakhstan Journal of Foreign Affairs*. 1(2). С. 5-9.

Шаукенова З. 2021. Вступительное слово к изданию. *Kazakhstan Journal of Foreign Affairs*. 1(2). С. 10-12.

Шубенкова А.Ю. 2014. *Программно-стратегические документы в государственной политике РФ: институциональный анализ*. Дис. канд. полит. наук. Москва. 201 с.